

11. XII

Гр. Ситанин!

20

184

Россылово Вам. приходило
вопроса Райгородского и о нем
приму просесть боюсь, Райс др.
Одобрившее. Карандашем
где перь идет о Хвине.

Привет. Почт. билет

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого КОЦЮБИНСКОГО Юрия Михайловича от 19 октября 1936 г.

ВОПРОС: - На допросе 16 октября Вы показали, что в 1932 году Вы получили задание от ПЯТАКОВА об организации на Украине террористических групп. Вы это задание приняли. Что конкретно Вами сделано по этому заданию ПЯТАКОВА?

ОТВЕТ: - Как я уже показывал на предыдущем допросе, директива ПЯТАКОВА о переходе к тактике индивидуального террора против руководителей партии и правительства, была принята всем составом троцкистского центра на Украине.

Террористическая деятельность троцкистского центра проводилась до моего ареста и выразилась в следующем:

1/ - В Харькове и Киеве были организованы террористические группы, в составе которых были главным образом троцкисты, работавшие в научно-исследовательских институтах и ВУЗ"ах. Эти группы были организованы по линии связей НАУМОВА, ЛЕВИКА, СЕМКОВСКОГО.

2/ - ГОЛУБЕНКО проводилась работа по организации террористических групп в Днепропетровске и среди военных работников.

Организацию этих групп ГОЛУБЕНКО проводил по непосредственной директиве ПЯТАКОВА и они намечались для участия в террористических актах в Москве.

3/ - Мною была установлена связь с группой украинских националистов-боротьбистов, имевших в своем распоряжении такие террористические группы.

ВОПРОС: - Когда Вами была передана директива о терроре НАУМОВУ?

ОТВЕТ: - НАУМОВУ мною была передана директива о терроре в конце 1932 г., вскоре после моей беседы в Москве с ПЯТАКОВЫМ.

Он тогда работал уже в Госплане УССР в качестве члена президиума и связь с ним, ясно, была наиболее легкой. Я подробно рассказал ему о своей беседе в Москве с ПЯТАКОВЫМ и о полученных от него директивах. Как я уже показывал на предыдущем допросе, НАУМОВ указания о терроре принял.

НАУМОВ в то время возглавлял довольно большую троцкистскую группу в УАМЛИН"е.

Я дал тогда указания НАУМОВУ привлечь к террористической деятельности отдельных участников из его группы в УАМЛИН"е и организовать из них террористическую группу.

Сам НАУМОВ для террористической работы по своим индивидуальным качествам не подходил, поэтому мы решили, что он подберет из числа своих троцкистских связей в УАМЛИН"е человека, который смог-бы такую террористическую группу организовать.

НАУМОВ мне рекомендовал тогда лично поговорить об этом также с ЛЕВИКОМ, работавшим в то время вице-президентом УАМЛИН"а.

ВОПРОС: - Вы говорили с ЛЕВИКОМ?

ОТВЕТ: - Да, говорил. С ЛЕВИКОМ я встретился в начале 1933 г. в УАМЛИН"е, где ЛЕВИК тогда работал. ЛЕВИКУ я рассказал также о директивах, полученных мною из Москвы о терроре. С ним до меня говорил уже НАУМОВ. Он заявил мне, что он располагает такими связями, которые вполне подходят для террористической деятельности и никогда не подведут.

ВОПРОС: - Вы говорили ЛЕВИКУ о том, что директива о терроре Вами получена от ПЯТАКОВА?

ОТВЕТ: - Нет, ЛЕВИКУ я ПЯТАКОВА не называл и вообще о своих организационных связях с ПЯТАКОВЫМ я никогда ЛЕВИКУ не сообщал.

ВОПРОС: - Выше Вы показали, что к террористической работе был привлечен также СЕМКОВСКИЙ, который в Киеве организовал террористические группы. Кем персонально СЕМКОВСКИЙ был привлечен к работе по террору?

ОТВЕТ: - С СЕМКОВСКИМ были организационно связаны НАУМОВ и ЛЕВИК. Последний вместе с СЕМКОВСКИМ работал в УАМЛИН"е и был связан теснее. ЛЕВИК - передал указания СЕМКОВСКОМУ о терроре и был связан с ним по этой линии и в дальнейшем. О работе СЕМКОВСКОГО я знаю из информации, главным образом, ЛЕВИКА.

ВОПРОС: - Вы показали, что ЛЕВИКОМ и НАУМОВЫМ была организована террористическая группа в УАМЛИН"е. Кого из террористов из группы НАУМОВА, ЛЕВИКА Вы знаете?

ОТВЕТ: - Я знаю из информации ЛЕВИКА о том, что он привлек к террористической работе - научного работника УАМЛИН"а БЕРВИНСКОГО. По словам ЛЕВИКА БЕРВИНСКИЙ быв. военный работник, обладающий смелостью и силой воли. БЕРВИНСКИЙ был организатором террористической группы, подобрал в свою группу молодых научных работников и возглавлял эту группу.

ВОПРОС: - Когда Вам сообщил ЛЕВИК о привлечении к террористической работе БЕРВИНСКОГО?

ОТВЕТ: - О привлечении к террористической работе БЕРВИНСКОГО ЛЕВИК сообщил мне летом 1933 г., месяца я сейчас не помню.

О БЕРВИНСКОМ мне также говорил и НАУМОВ, который хорошо знал БЕРВИНСКОГО и дал мне характеристику о нем такую-же как ЛЕВИК.

В начале 1934 г. мне ЛЕВИК сообщил о том, что БЕРВИНСКОМУ удалось подобрать себе группу террористов в 6 чел. Все они работники научно-исследовательского института философии УАМЛИН"а, работают вместе с БЕРВИНСКИМ и спаяны между собой. По словам ЛЕВИКА отдельные участники группы БЕРВИНСКОГО имели связи и доступ в ЦК КПСУ.

ВОПРОС: - Назовите фамилии этих террористов.

ОТВЕТ: - Фамилий их я не знаю. Мне известно только, что они работали в УАМЛИН"е.

ВОПРОС: - С БЕРВИНСКИМ лично Вы связывались?

ОТВЕТ: - Нет. С БЕРВИНСКИМ я не связывался. Я условился с ЛЕВИКОМ, что БЕРВИНСКИЙ не будет знать о связи со мной ЛЕВИКА и о моей роли в организации.

ВОПРОС: - Что конкретно Вам известно о террористической работе СЕМКОВСКОГО?

ОТВЕТ: - Как я уже показывал выше, с СЕМКОВСКИМ организационную связь осуществляли ЛЕВИК и НАУМОВ, которые и информировали меня о работе СЕМКОВСКОГО.

Весной 1934 года, незадолго до переезда столицы Украины из Харькова в Киев, у меня состоялась беседа с ЛЕВИКОМ, а затем и НАУМОВЫМ о положении организации в Киеве. Как ЛЕВИК, так и НАУМОВ рассказали мне, что СЕМКОВСКОМУ удалось через РОЗАНОВА развернуть большую работу в Киеве.

Киевская организация располагает большими связями в среде научных работников из киевских ВУЗ"ов и научно-исследовательских институтов, где существуют троцкистские группы, связанные с РОЗАНОВЫМ.

ЛЕВИК мне рассказал, что СЕМКОВСКИМ указания о терроре были переданы в Киев РОЗАНОВУ, который проводит практически организацию террористических групп. РОЗАНОВУ удалось организовать террористическую группу из на-

учных работников киевского филиала УАМЛИН"а и академии. Фамилий участников этой группы ЛЕВИК мне не называл.

Так как предполагался переезд ЛЕВИКА в Киев, я предложил ему лично связаться в Киеве с РОЗАНОВЫМ, о чем предварительно договориться с СЕМКОВСКИМ.

Когда ЛЕВИК в 1934 г. переехал в Киев и был назначен ректором киевского университета, он лично установил связь с РОЗАНОВЫМ, а также продолжал быть связанным с СЕМКОВСКИМ.

ВОПРОС: - Вы показали, что по директиве ПЯТАЮВА Вами, как руководителем троцкистской террористической организации, был установлен блок с украинскими националистами.

Расскажите подробно с кем из украинских националистов Вы связались, как велись переговоры о блоке и на какой основе этот блок был Вами установлен?

ОТВЕТ: - В соответствии с директивой, полученной мною от ПЯТАЮВА, я стал искать связи среди украинских националистов. С первым из украинских националистов я связался с ХВЫЛЕЙ Ананий Андреевичем. Последнего я начал изучать еще с лета 1932 г., когда он был культпропом ЦК КПБУ. Я обратил внимание на то, что при подборе кадров в научные учреждения и выделении научных работников для составления учебников, ХВЫЛЯ выдвигал почти исключительно троцкистов и украинских националистов. Среди них могу назвать КРАМЕРА, БОГОРОЗА, КРМАСОВА, ТУНА, НАУМОВА, ЧИЧКЕВИЧА.

В середине октября 1932 г. во время пленума ЦК КПбУ я затеял первый разговор с ХВЫЛЕЙ, выясняя его политические позиции. Шли мы из ЦК домой и обсуждали выступления на пленуме по поводу хлебозаготовок. Хлебозаготовки тогда шли скверно и обозначался возможный провал хлебозаготовок в степных областях. ХВЫЛЯ был настроен очень пессимистически и в то же время весьма враждебно по отношению к ЦК КПбУ и его политике.

Второй разговор на ту же тему был в Харькове в конце декабря 1932 г. или начале января 1933 г. в помещении ЦК КПбУ, где он тогда еще работал. Я ему рассказал о ходе хлебозаготовок, о положении в селах и настроении в тех районах, где я был, высказал мнение, что политика партии в отношении развития колхозов провалилась и что мы накануне массового распада колхозов.

ХВЫЛЯ был того-же мнения и со своей стороны привел довольно большое количество известных ему фактов, подтверждающих наш вывод. В суждениях ХВЫЛИ проскальзывали антипартийные настроения и недовольство политикой партии и ее руководством. Более откровенно говорить со мной он тогда еще остерегался, также, как и я.

Вполне откровенный разговор с ХВЫЛЕЙ у меня состоялся весной 1933 г. в кабинете ХВЫЛИ в ЦК КПбУ.

Этот разговор происходил через несколько дней после приезда ПОСТЫШЕВА на Украину. ХВЫЛЯ тогда был очень нервно настроен, так как не был уверен, что его оставят в дальнейшем на работе в ЦК КПбУ.

ХВЫЛЯ считал, что с приездом на Украину ПОС-
ТЫШЕВА, будет изменена линия ЦК КПбУ в отношении украи-
низации, что будет только фикция украинизации - ширма,
а в действительности будет проводиться руссификаторская
политика. Он считал, что с этого времени начнется еще
больший нажим на УССР по линии хлебозаготовок и вывозке
других сельскохозяйственных продуктов. Он указывал, что
и до этого Украина несла непомерные тяготы в отношении
госпоставок и налогов, несравненно большие, чем осталь-
ные части советского Союза и что эти непомерные налоги
вконец разоряют украинское село. ХВЫЛЯ заявил мне тогда,
что продолжение такой политики может привести к вымира-
нию населения и полному обнищанию страны. Он считал, что
руководство КПбУ не только не отстаивает интересы Украи-
ны, а слепо и жестоко проводит указания ЦК ВКПб, кото-
рые сводятся к непомерному выжиманию ресурсов с Украи-
ны, для переброски их в другие части Советского Союза.
Он указал мне, что не он один придерживается таких взгля-
дов, но и ряд других украинских работников не только из
бывших боротьбистов, но и ряд членов партии, раньше не
бывших боротьбистами. Все они вместе с ним - ХВЫЛЕЙ, счи-
тают необходимым бороться с такой политикой ЦК ВКПб:

Я не возражал против высказанных ХВЫЛЕЙ его
политических позиций и со своей стороны признался, что
также не разделяю политики ЦК ВКПб, - не верю в ее успех,
а по ряду вопросов считаю политику ЦК ВКПб губительной для
страны. Я указал, что руководство ЦК ВКПб находится не
в надлежащих руках и, что лучшие люди партии исключаются

из партии, отстраняются от работы и высылаются в ссылки и тюрьмы, что самокритика у нас дутая и в партии культивируется всячески пассивное отношение членов партии к вопросам жизни страны.

Я указывал ХВЫЛЕ, что село превращено в колонию, из которого черпаются огромные ресурсы, для промышленного строительства и это строительство не дает хозяйственного эффекта и не скоро его даст.

На почве этого возрастает недовольство в стране и рост этого недовольства может привести к крупным политическим осложнениям внутри страны.

Я рассказал ХВЫЛИ, что у меня также как и у него имеются единомышленники, которые вместе со мной ведут борьбу с руководством партии.

Мы условились с ХВЫЛЕЙ встретиться в ближайшее время, для того, чтобы продолжать нашу беседу.

ВОПРОС: - Называл-ли Вам ХВЫЛЯ в этой беседе лиц, являвшихся его единомышленниками?

ОТВЕТ: - Да, он назвал мне ПОЛОЦКОГО, недавно прибывшего из-за границы и работавшего в Наркомпросе, ЛЮБЧЕНКО Николая, работавшего в редакции "Коммунист" и МАЗУРЕНКО Юрия, который работал в Госстройконтроле. Всех этих лиц я знал лично и беседа с ХВЫЛЕЙ послужила основанием к тому, что я после беседы с ХВЫЛЕЙ связался с Юрием МАЗУРЕНКО.

ВОПРОС: - Когда Вы связались с МАЗУРЕНКО?

ОТВЕТ: - В ближайшие же дни после разговора с ХВЫЛЕЙ, я вызвал МАЗУРЕНКО по делам Госстройконтроля в Госплан. После окончания служебного разговора я ему сказал, что мне известно, что он принадлежит к группе старых украинских работников, недовольных политикой партии в национальном вопросе. МАЗУРЕНКО сначала смутился, но когда я ему сообщил, что я вел откровенную беседу с ХВЫЛЕЙ и от последнего знаю о его политических позициях, МАЗУРЕНКО стал со мной откровенен.

Я расспрашивал МАЗУРЕНКО насколько крепко сложилась их группа и какими силами они располагают вне Харькова. МАЗУРЕНКО мне сообщил, что у них существует вполне оформившаяся организация, руководящую роль в которой играют ХВЫЛЯ, ЛЮБЧЕНКО Николай, ПОЛОЦКИЙ, что их организация имеет много сторонников в ряде городов Украины, особенно в Харькове, Киеве и Виннице.

Говоря о себе, МАЗУРЕНКО указал мне, что он хоть и активно работает в этой организации, но занимает в ней меньшее положение, чем ХВЫЛЯ, ЛЮБЧЕНКО и ПОЛОЦКИЙ, поэтому более подробных данных о работе организации и ее силах дать мне не может.

ВОПРОС: - МАЗУРЕНКО Вы рассказали о том, что являетесь одним из руководителей троцкистской организации?

ОТВЕТ: - Да, я МАЗУРЕНКО сообщил, что интересуюсь его политическими позициями и группой, в которой он участвует не из-за простого любопытства, что я также не разделяю политики ВКП, являюсь сторонником Троцкого и хо-

чу найти контакт с его группой в борьбе против руководства партии.

ВОПРОС: - Когда у Вас состоялась следующая встреча с ХВЫЛЕЙ по делам организации?

ОТВЕТ: - Большая и обстоятельная беседа с ХВЫЛЕЙ, во время которой был достигнут контакт в работе организаций, состоялась летом 1933 года, когда он работал уже зам. Наркомпроса. Беседа эта состоялась на даче ВУЦИК"а в Померках, где ХВЫЛЯ жил. До этого я пытался несколько раз договориться с ХВЫЛЕЙ, но он уклонялся от конкретных разговоров об общих действиях нашей организации.

Во время беседы на даче в Померках, я откровенно рассказал ХВЫЛИ о существовании троцкистской организации на Украине и о том, что я вхожу в ее центр. Я сказал ХВЫЛИ, что мы ищем связи с украинскими националистическими организациями для того, чтобы выяснить их позиции, силы и возможности и установить с ними контакт.

ХВЫЛЯ сообщил мне, что он является руководителем украинской организации, в которую входят, как бывшие боротьбисты, так и другие лица, разделяющие взгляды организации.

Организация, по его словам, большая и разветвленная, но так как она носит украинский локальный характер, то они были заинтересованы в установлении связи с более широкой организацией, ведущей борьбу против ЦК ВКПб, какой является троцкистская организация. Тут-же ХВЫЛЯ мне сообщил, что после приезда на Украину ПОСТЫШЕВА и

БАЛИЦКОГО их организации нанесен значительный ущерб начавшимися арестами среди галичан.

Мы установили, что впредь работа обеих организаций будет контактироваться. Нас об"единило - уверенность в пагубности политической линии партии, в особенности в отношении коллективизации и хлебозаготовок - ненависть к режиму, установленному в стране и партии и борьба с руководством партии.

В этой беседе с ХВЫЛЕЙ мы также обсуждали вопросы тактики организаций. Мы пришли к заключению, что методы работы, которые применялись до сих пор, как троцкистами, так и националистами: подбор кадров, расстановка сил, захват командных позиций, сами по себе - все же не дают достаточного эффекта. Многие участники организаций, как троцкистской, так и националистической - арестовываются, первичные группы организаций проваливаются и что эти обстоятельства вынуждают перейти к более внушительным методам борьбы.

Я сообщил ХВЫЛИ, что я связан с московским центром, где вновь достигнут новый блок с зиновьевцами и организован об"единенный троцкистско-зиновьевский центр принявший решение по директиве Троцкого убрать Сталина и его руководство, путем организации и осуществления террористических актов. ХВЫЛЯ мне ответил, что украинская организация, им возглавляемая, также пришла к тактике индивидуального террора против руководителей партии, ведет в этой области практическую работу и имеет уже боевые группы. Эти боевые группы ведут подготовку террористических актов на Украине над ВОССИОРОМ, ПОСТЫШЕВЫМ и БАЛИЦКИМ.

Таким образом, я договорился с ХВЫЛЕЙ о необходимости дальнейших взаимных информации и единстве наших действий в борьбе с партией.

ВОПРОС: - Продолжайте показания о дальнейших Ваших связях с ХВЫЛЕЙ.

ОТВЕТ: - Летом и осенью 1933 г. были довольно большие аресты украинских националистов, особенно галичан. Эти аресты крайне встревожили ХВЫЛЮ - особенно его беспокоило, что будут показывать на следствии СЛИПАНСКИЙ и ПРИХОДЬКО. Он боялся за себя, просил меня, чтобы я с ним имел поменьше встреч и связь с украинской организацией поддерживал через Николая ЛЮБЧЕНКО и ПОЛОЦКОГО, которые, как он мне сообщил также, являлись членами центра украинской националистической организации.

В декабре 1933 г. я и ХВЫЛЯ ездили на сессию союзного ЦИК"а. Там-же на сессии ХВЫЛЯ подошел ко мне с ПОЛОЗОМ, который, по его словам, принадлежал к националистической организации. Разговор у нас тогда был очень короткий. ХВЫЛЯ сообщил ПОЛОЗУ, что организация сильно расстроена арестами.

Там-же ПОЛОЗ и ХВЫЛЯ мне сообщили, что у них имеется крепкая группа в Москве. ХВЫЛЯ меня просил, чтобы я связал ПОЛОЗА с московским троцкистским центром.

Так как ПОЛОЗ, вскоре после этой встречи нашей был арестован, то связать его с московским троцкистским центром я не смог.

ВОПРОС: - Вы установили связь с ЛЮБЧЕНКО Николаем и ПОЛОЦКИМ?

ОТВЕТ: - В начале 1934 г. в Госплан ко мне приходил Н. ЛЮБЧЕНКО и ПОЛОЦКИЙ. Я старался выяснить у них какими конкретными силами они располагают. После арестов в течении 1933 г. организация националистов сильно поредела, ряды ее были разстроены, но ряд боевых террористических групп все-же был сохранен.

В одну из этих террористических групп, по словам Н. ЛЮБЧЕНКО и ПОЛОЦКОГО, входили украинские писатели ЭПИК и БУРЕВОЙ. Кроме того, со слов Н. ЛЮБЧЕНКО и ПОЛОЦКОГО мне известно было, что довольно сильная организация у них в Виннице и Одессе. В Виннице во главе организации состоит САМУТИН, работающий в Обкоме КПБУ в качестве культпропа.

Как ПОЛОЦКОМУ, так и Н. ЛЮБЧЕНКО я сообщил, что троцкистской организацией ведется подготовка террористических актов над руководителями партии как в Москве, так и на Украине, что троцкистской организации удалось создать ряд террористических групп как в Харькове, так и в Киеве. Конкретно я им назвал террористическую группу, организованную из троцкистов научных работников УАМЛИН "а".

ВОПРОС: - В чем конкретно выражалась Ваша связь с ХВЫЛЕЙ после того, как он связал Вас в Москве с ПОЛОЦКИМ?

ОТВЕТ: - С ХВЫЛЕЙ в течении 1934 года я встречался часто, но беседы о нашей террористической деятельности я имел с ним два раза.

Одна из них состоялась в начале лета, незадолго до переезда столицы из Харькова в Киев, в Харькове на даче у ХВЫЛИ, а вторая беседа в Киеве в августе 1934 г. в Совнаркоме.

Во время встречи с ним в Харькове и в Киеве мы информировали друг друга о состоянии наших организаций. ХВЫЛЯ информировал меня, что националистическая организация, после разгрома ее начинает восстанавливаться, но восстановление ее идет медленно. Он считает свое положение вполне упрочившимся, никаких подозрений в отношении его в ЦК КПбУ нет и он благодаря этому, приступил к более активной работе.

Во время беседы с ХВЫЛЕЙ в Киеве, он сообщил мне, что террористическая группа ЭПИКА и БУРЕВИЧА, подготовила совершение террористических актов и над ЮССИОРОМ, ПОСТЫШЕВЫМ и БАЛИЦКИМ и намечает провести их к октябрьским праздникам.

Вскоре после этой беседы с ХВЫЛЕЙ я уехал в отпуск, а после отпуска я был снят с Госплана, выехал в Москву, где был арестован.

Я хочу добавить, что в одной из бесед со мной ХВЫЛЯ высказывал большое удовлетворение по поводу того, что он был назначен на работу в Наркомпрос. Он считал особо важным, что аппарат Наркомпроса был в руках националистов. По существу аппарат Наркомпроса находился в

руках ХВЫЛИ, как перед этим находился в руках ШУМСКОГО,
ПРИХОДЬКО, ГИРЧАКА, ПОЛОЦКОГО.

Записано правильно с моих слов и мною про-
читано. КОЦОВИНСКИЙ.

ДОПРОСИЛ: НАЧ 2 ОТДЕЛЕНИЯ СПО
СТ ЛЕИТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

/ГРИГОРЕНКО/